

Евгений Голубовский

Дом Бориневичей

Культурные гнезда Одессы

Дома, которые были на слуху, где собиралась интеллигенция.

До революции к таким «культурным гнездам» относился дом художника Буковецкого. Писал я о доме Добролюбских, о доме Олега Соколова, где возрождены были открытые двери для всех – по средам...

Сегодня захотел назвать еще одну фамилию, когда-то в Одессе очень известную, еще одно «культурное гнездо», связавшее несколько поколений.

Это Бориневичи.

Мне повезло – я часто бывал в гостях у Зои Антоновны Бориневич-Бабайцевой. В «Вечерней Одессе» публиковал очерк о погибшем на фронте Игоре Бориневиче.

Но начну все же с основателя династии ученых – Антона Самуиловича Бориневича, городского статистика, экономиста, демографа.

Открываю справочник «Вся Одесса» за 1908 год. Бориневич проживает на Старопортофранковской, 25.

Бывают же незабываемые адреса – в этот дом в шестидесятых годах, спустя шестьдесят лет, приходил и я к Зое Антоновне.

Антон Самуилович был из крестьян. Его отец поселился в Одессе, здесь в 1855 году родился Антон. Всего добился сам. С десяти лет зарабатывал деньги, чтоб учиться. Поступил на физмат Новороссийского университета в двадцать два года, но за участие в народовольческом кружке был отправлен в Восточную Сибирь.

К этому времени у него была верная подруга, тоже математик, Генриетта Савельевна Финкельштейн. Девушка из богатой еврейской семьи. И еженедельно ссыльнопоселенцу она отправляла книги для занятий.

Как только освободили, Антон и Генриетта обвенчались. Для этого ей пришлось креститься, стать Евгенией Савельевной.

С 1887 года они вновь в Одессе, где Антон Самуилович начинает работать городским статистиком. Это он организовывал в Одессе беспрецедентные однодневные переписи населения в 1892, в 1897, в 1915, в 1917 годах.

Его статистические работы высоко оценил ученый мир. Но Бориневичу повезло, что на его работы ссылается Ленин в первой же своей книге.

И когда победили большевики, они оставили Бориневичу его собственный дом в полное пользование. Один из немногих частных домов Одессы – Старопортофранковская, 25.

Кто только не бывал в этом доме!

Конечно же, Лев Бронштейн, тогда еще он не стал Троцким, родственник жены Бориневича. Конечно же, Вера Инбер, вновь-таки родственница Евгении Савельевны... Здесь бывали Александр Дерibas и Василий Навроцкий, здесь бывала профессура одесских институтов.

Антон Самуилович стал одним из основателей Одесского института народного хозяйства, доцентом, а потом и профессором. Уехать в эвакуацию он уже по возрасту не смог, но когда Одессу освободили, принял участие в создании книги, посвященной 150-летию Одессы, которое отмечалось 2 сентября 1944 года. Он был редактором этого сборника. И это была его завершающая работа. Он умер в 1946 году на девяносто втором году жизни.

Все четверо детей – Зоя, Людмила, Анатолий, Владимир – стали учеными.

Мне довелось много общаться с Зоей Антоновной Бориневич-Бабайцевой, пушкинисткой, филологом, образованнейшим и мудрым человеком.

Зоя Антоновна была первенцем в семье, родилась в 1886 году. Вторую женскую гимназию окончила с золотой медалью. Затем историко-филологический факультет Высших женских курсов. И всю жизнь преподавала русскую литературу.

У нее были два главных писателя, которым она посвятила свою жизнь. Пушкин и Чехов.

С восхищением я читал ее работу о Чехове, где она доказывала, что чеховский единственный роман – «Драма на охоте» – пародия на бульварные романы. Помню, что мы часами спорили, мне казалось, что в такой форме Антон Павлович зашифровал свои любовные драмы, что это исповедальный роман. Зое Антоновне было семьдесят, мне двадцать, но дискуссии мы вели без поправок на возраст.

Кто только ни приходил в этот дом... Здесь бывал в приезды в Одессу замечательный чтец Дмитрий Николаевич Журавлев, писатель Всеволод Азаров, актеры одесских театров...

Юрий Дынов, когда писал свои «Всего тринадцать месяцев», отдавал на рецензию каждую сцену...

У меня в собрании десятков поэтических книг, в разные годы подаренные мне Зоей Антоновной. Это и Гумилев, и Бунин, и коллективный сборник ленинградцев со стихами Вагинова. И на каждом доброжелательный, теплый автограф первой владелицы книги, чтоб хранились как память.

В годы оккупации Бабайцева работала, преподавала. Ходила, как на иголках. Мать – еврейка. Это могло стоить жизни. Была на связи с подпольем, чтоб в минуту опасности уйти... Не пришлось.

У Зои Антоновны детей не было. Брак с биологом Барановым распался перед революцией. Всю нежность она отдала племяннику Игорю, сыну Владимира Антоновича. Игорь был поэтом, в нем с юных лет угадывался литературовед. Как-то Зоя Антоновна показала мне старинный ботанический атлас с прекрасными рисунками, обратив мое внимание на дарственную надпись: «Будущему ученому – от ученого». Эту книгу Антон Самуилович Бориневич подарил своему юному внуку, почувствовав в нем тягу к систематике.

Тогда, помню, я обещал Зое Антоновне поискать материалы об Игоре и написать о нем очерк. Просидел несколько дней в публичке, встречался с профессором Недзведским, который руководил его работой, списывался с Краснодарским краем, где в 1943 году погиб лейтенант Игорь Бориневич... Тогда-то и вышла в «Вечерке» статья «Когда приходит почта полевая»...

Писал бы сегодня – вспомнил бы другую строку о военных почталъонах – «И почталъон сойдет с ума, разыскивая нас...». Игорь Бориневич на фронте был военным почталъоном.

Он родился в Одессе в 1918 году. Отец известный селекционер, мама – библиотечкарь.

А у парня были два любимых поэта – Маяковский и Багрицкий. И это определило выбор – литературный факультет педина.

Как Зоя Антновна ни уговаривала заняться Чеховым, не согласился. «Не мое». И просиживал часами в библиотеке, составляя первую библиографию одесских публикаций Багрицкого. Когда я писал очерк об Игоре, эта библиография хранилась у профессора Недзведского. Где она сейчас – не знаю.

За два года до начала войны Игоря призвали в армию. Уже готовился возвращаться домой, вернуться к науке, но началась Великая Отечественная...

Письма с фронта, что писал Игорь, малоинформативны. Жив, здоров, воюем... Я держал в руках эти военные треугольнички.

Но куда больше узнал об Игоре, прочитав книгу «Письмо» – рассказы о военных почтальонах, вышедшую в 1946 году. Один так и назывался – «Бориневич воюет».

Оказалось, что о нем в дивизии выпустили специальный боевой листок – «Воевать так, как воюет Бориневич».

Почтальон воюет?

Да, оказалось, что Игорь с его систематикой добрался до коммиссара связи, генерал-лейтенанта Пересыпкина, который по рапортам лейтенанта Бориневича внес изменения в инструкцию военному почтальону. Действительно, найти солдата бывало сложно, особенно после ранения. Нужно было создать систему, чтоб письмо находило бойца, – и Игорь это сделал.

Он вел дневник, хоть это было запрещено. Но литератор оставался литератором. Мне прислали из Краснодарского края копию странички, чудом уцелевшей и хранящейся в музее:

«Уставший от боев и бессонных ночей, батальон, отведенный в ближний тыл на отдых, сразу уснул. Превозмогая усталость, я удерживал себя от искуса сразу лечь спать и отправился в штаб полка за почтой. Я тихо будил товарищей и вручал им письма.

Федя Навка получил от семьи долгожданное письмо. Он мгновенно исчез, но тут же появился с баяном через плечо. И люди, полчаса тому мечтавшие о постели, пошли в пляс, забыв о тяжелых бессонных ночах.

И в эту минуту показалось мне, что именно почтальону посвящены великие строки поэта:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек...»

Это вся страничка из блокнота Игоря. И на фронте с ним был Маяковский.

10 апреля 1943 года, за год до освобождения Одессы, батальон попал под тяжелую бомбардировку. Среди раненых был Бориневич. Спустя несколько дней он умер в госпитале.

Долгие годы после войны в этот дом приходили боевые товарищи Игоря Бориневича. И им всегда были рады.

Странноприимный дом.

Какие-то квартиры в нем Зоя Антоновна предоставила своим друзьям. Так, там жил писатель Владимир Михайлович Гридин, вернувшийся из ГУЛАГа, жила семья Новаков, с которыми моя мама дружила с довоенных времен. Я как-то писал, что первые стихи, которые запомнил, были стихи Симонова, что Мура Новак читала мне в эвакуации.

Если бы установить мемориальные доски всем домочадцам, именитым гостям Бориневичей, стены бы не хватило. Может, поэтому дом молчит, лишь вздрагивая, когда проходит 28-й трамвай.

Когда-то художник Геннадий Гармидер нарисовал серию пейзажей Одессы, где над каждым домам летали ангелы с лицами тех, кто жил в этих домах.

Какое бы пиршество ангелов собралось сегодня над домом по Старопортофранковской, 25!

